

ЧЕЛОВЕК ВО ВРЕМЕНИ: РОССИЯ — ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ

Александр Евгеньевич Разумов

Старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека. Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: stas_ecl@mail.ru

Аннотация. Последнее по счету столетие наполнено победами и провалами. Мировые войны и революции, смена политических режимов, идеологий и идеологических ориентаций — все это провоцировало состояние социального и политического хаоса, обратной стороной которого стало создание диктатуры одной партии и тоталитарное единоначалие в разных странах, в том числе в СССР. Вместе с тем можно было наблюдать успехи познания, культуры, научно-технической революции, которые сопровождались и наращиванием оружия массового уничтожения. Однако расширение познания, в том числе о человеке, не привело к тому, что он стал хозяином собственной судьбы. Проблема, на которую обращает внимание автор, состоит в следующем: меняется ли человек как моральное и действующее существо в событиях последнего столетия. Поиск ответа на этот вопрос, по мнению автора, объединяет возможности социальных, гуманитарных и естественных наук. Здесь нельзя ограничиваться лишь историей последнего столетия и даже историей человечества. Важно включать в исследование времена и пространства космического масштаба, просторы и глубины нашей Вселенной, где рожден и исчезнет человек, сохранившись, возможно, лишь в ее космической памяти. В «памяти Вселенной» хранятся неизменные мировые константы, возникшие в результате Большого взрыва и рождения Вселенной из точки сингулярности. Память человека наследует память Космоса и является системообразующим фактором, создающим его внешний и внутренний мир. Объяснение космического происхождения человека и его памяти — область строгой науки. Культура, и прежде всего литература, владеет иными средствами: художественный образ не менее продуктивен для нарратива о человеке и его времени, чем глобальная теория. Автор приходит к выводу, что человек во времени осознает себя в прошлом, настоящем и созидает будущее благодаря свободе творчества, которая определяется как личное деяние каждого в его времени.

Ключевые слова: человек, бытие, время, столетие, память, образ, история

Ссылка для цитирования: Разумов А. Е. Человек во времени: Россия — последнее столетие // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 203–218.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-203-218

Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество...

Платон

*Человек не станет господином природы, пока он не станет
господином самого себя.*

Гегель

Россия. Последнее по счету столетие. Оно наполнено победами и провалами, страстями и интересами. Вопрос, который меня здесь занимает, можно сформулировать так: стал ли человек более совершенным и моральным, — имея в виду те глубинные потрясения, которые уготовило ему время? Содержание ответа в значительной степени зависит от того, кому этот вопрос адресован. Допустим, он задан автору этой работы и мне предстоит на него ответить. Тогда я утверждаю, что ответ предполагает обращение не только к истории человека и проблемам пережитого столетия, но и к философии, метафизике, а возможно, и к скрытой истории Мира. В попытке понять последнее столетие мне иногда придется выходить за его пределы в другие времена и обращаться к человеку, который также не помещается в границах привычных времен и пространств. Это представляется необходимым.

Человек и его история пульсируют во мне временами и мыслями. Хочу понять собственное предназначение, причину и смысл появления «я» в мире веществ и энергий. Взирая на ясные и пытаюсь разгадать тайные смыслы бытия. Те, которые заданы, существуют от века, и те, которые свобода творчества и творческая эволюция человека сотворили во времени. Хочу понять: останется ли в итоге времен мой род в мировой, космической памяти, когда пройдут его (наши) сроки и время унесет нас, как уносит все однажды рожденное. Вряд ли мне удастся на этот вопрос ответить, но шаг в нужном направлении сделать можно...

Время унесет существующие виды материи и само бытие, но существовало ли время до бытия? Что было до Большого взрыва и рождения Вселенной? Похоже, научная мысль пока не знает окончательного ответа. Конечно, все эти вопросы достаточно удалены от сегодняшнего моего желания посмотреть на человека во времени под определенным углом зрения, но полагаю, что мысли, влекущие расширение кругозора и углубление проблемы, не должны повредить его исполнению.

Существуют две фундаментальные загадки познания и самопознания — кто такой человек и что есть время. За последнюю сотню лет человек, стараясь служить истине, преобразовывал свой мир, раздвигая границы познания и открывая новые виды энергии. Электростанция сменила паровой котел, затем появилась энергия атома. Человек стремился совершенствовать наличные виды реаль-

ности (техносферу), но он же изобретал и такие «переходы из небытия в бытие» (Платон), как термоядерная «слойка» гуманиста А. Д. Сахарова. Поэтому многое в человеке, как и прежде, скрывает туман финансовых, политических и иных страстей и интересов и нуждается в дополнительном изучении.

Как и в былые времена, человек, то есть совокупность всех мне подобных, не перестает удивлять себя разнообразием намерений и поступков. В истории России оно простиралось, как мы помним, от уединения святых отшельников и их молений о мире и ненасилии до планов возможного расширения сферы влияния, в том числе с помощью адресной силы. Похоже, что призыв Дельфийского оракула «познай самого себя» пока еще рано сдавать в архивы истории. Во всяком случае, цель стать господином самого себя, как рекомендует человеку Гегель, пока только еще светится на горизонте истории. Дорога к цели, надо думать, не близкая. Путь явно не простой и не гладкий, но с камнями разных мастей и черват провалами войн. Даже мировых войн. Так и не став господином, человек не перестал быть проблемой для самого себя.

Что касается времени, то оно издавна было и остается чем-то крайне загадочным. Сегодня теоретическая физика предлагает ввести «кванты» (дробление) времени и кое-что еще, на чем в дальнейшем придется задержаться моему повествованию... На одну из проблем, загадок нашего восприятия времени указывали еще древние. Вот она: прошлое, настоящее, будущее. Прошлого уже нет, будущего еще нет. Есть лишь неуловимое настоящее (Аристотель, Августин). «Правильно говорить так: есть три времени — настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. Все три времени существуют только в душе — это память, непосредственное созерцание и ожидание», — писал Августин Блаженный в «Исповеди» (Августин, 2005: 222). Замечу, что хотя хронометры и другие измерители времени к этим проблемам человеческого сознания вполне равнодушны, но не следует о них забывать. Скажем, такое «существование в душе», как память, является одним из фундаментальных свойств, формирующих не только человека-личность, но и историю человека. И к памяти, как и ко времени, мне также придется в дальнейшем обращаться.

Когда мы упоминаем время, то чаще всего имеем в виду просто условия тогдашнего существования человека. «Времена не выбирают, в них живут и умирают», — напоминает нам поэт Александр Кушнер. Времена фараонов, время Моисея... Такие значимые для потомков события, как Исход евреев из Египта и родовая мораль Ветхого Завета, явление Спасителя и Новый Завет, имеют, конечно, и свое обоснование временем. Схоластика Средневековья, Возрождение, Новое время, затем и мое время могут быть правильно поняты только с учетом условий (времени), в которых они существуют. Времена как наличные условия существования объясняют не только гуманные достижения истории, но и инквизицию,

и появление в средневековой Германии, к примеру, трактата монахов Шпренгера и Инститора «Молот ведьм». Или сочинения гуманиста позднего Возрождения Жана Бодена «Демонomanия колдунов»... Тогда общечеловеческая мораль Христа была приспособлена к страстям и политическим требованиям времени, стала идеологическим знаком. Имея в виду дальнейшие проблемы статьи и общую ее задачу, отмечу, что идеологические фонари светили в СССР и России на протяжении всего интересующего меня столетия, порождая политические акции. Сегодня идеология принимает участие в таких акциях, как, скажем, провозглашаемые ныне «национальные проекты». Я взялся писать о последнем столетии, и мне в попытке понять его обитателей придется соотноситься с условиями, которые они создавали и в которых жили. В которых жил и автор этих строк, а значит, мне надлежит познать и понять самого себя.

Опять эта настоятельная рекомендация Дельфийского оракула! И здесь, похоже, можно подключить религиозную составляющую в познании мира. Ибо этот совет имеет аналоги и характерен для всех развитых мировых религий. Отметим, что в каждой из них можно отыскать как сходство, так и своеобразие. Иногда своеобразие таково, что влечет за собой религиозные противостояния и войны.

Сто лет. Это немало для одной конкретной, индивидуальной судьбы, но всего лишь один исчезающий миг в истории Космоса, мгновение в истории человека как произведения многовековой мировой синергии или направленной эволюции, как порождения (возможно, не уникального) Вселенной, Галактики, энергии нашей Звезды — Солнца, биологии планеты Земля — словом, Бытия и Времени. Сама задача отследить движение столетия не только на его (идеологической) поверхности, но и во всей его идейной, культурно-смысловой глубине, в научных потенциях и достижениях, в его глобализме, экономике и политике является неохватной для одного моего ума. Полагаю, чтобы вполне проникнуть в глубины столетия, надо использовать возможности науки и искусства, уметь соединять теорию и образ. Надо заглянуть в религию. Поэтому, не перегружая себя амбициями, прошу считать настоящий текст не столько предлагаемым решением, сколько введением в тему. Наверняка на этом пути познания мы встретим то, что хотелось бы лучше понять в движении собственной истории, а также то, о чем забывать никогда не следует. И тогда мы попытаемся остановить мгновение...

***

Вряд ли наша остановка мгновения окажется столь же прекрасной, как в случае с Фаустом Гете. И это понятно. Тогда речь шла о художественном образе и вымысле, который предстает там одним из способов отыскания Истины. В моем же столетии вымысел был одним из способов сокрытия истины. Не всегда, но часто. Вымыслом идеологическим. Например, чистым вымыслом была Конституция

СССР 1936 года, провозглашавшая многие свободы в условиях стремления к тотальному подавлению всех мыслимых социальных свобод. Вымыслы принимали вид идеологий. Забегая вперед, скажу, что все последнее столетие народ и страну сотрясали различные, порой враждебные друг другу идеологии, которые в массе своей сильно усложняли поиски человека свободного, любящего, морального и творческого. Но это — забегая вперед, а пока, понимая условность моей хронологии, отмечу, что хотел бы начать столетие с постреволюции — Гражданской войны и полной «разрухи в головах», как выражался профессор Преображенский из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова, последовавшей после нее. Кстати, творчество Булгакова — важный шаг на пути поисков образа человека, достойного называться человеком, и свидетельство того, что художественный образ может найти свое место в понимании проблемы человека и времени. Разруху в головах интересующему меня столетию пришлось преодолевать, формируя новые условия жизни, новое время и новые головы. Многие столетию удалось совершить, но были неудачи и даже провалы вроде террора и насильственного переселения народов при Сталине. Что касается государственных взлетов, то им была победа Красной армии в Великой Отечественной войне и появление в истории народов второй мировой державы. Однако в этом были и яркие, и теневые стороны. Чтобы не ссылаться только на отечественные источники, рекомендую книгу Джузеппе Боффы, где автор доброжелательно и объективно оценивает названные события и их последствия¹.

Сверхдержава. Продержалась она, правда, недолго и развалилась благодаря усилиям зарубежных партнеров, политической безграмотности населения, бездарности собственного политического руководства. А также благодаря свежей исторической памяти о диктатуре пролетариата и об «Архипелаге ГУЛАГ». Один из уроков, который преподнесла себе (и, надеюсь, усвоила) Россия, заключается в том, что империя, собранная «не ласкотой, а жесточью», то есть не так, как рекомендовали нам предки, долго в современном мире не проживет. Сегодняшний мир значительно продвинулся на пути уважения к человеку. Исчезли колониальные державы. Об этом мировом завоевании нашего века говорит такой авторитетный человек столетия, как нобелевский лауреат В. Л. Гинзбург (Гинзбург, 2008: 78–85).

Сверхдержава развалилась, но наш народ веками являлся носителем имперского сознания, а в памяти моих современников еще живут былое величие и большие возможности империи. Неудивительно, что нынешнее руководство страны демонстрирует желание и прилагает усилия, чтобы вернуть ей былой статус и влияние мировой державы.

¹ См. (Боффа, 1990).

Вернемся к разрухе в головах, то есть к началу моего столетия. Речь, конечно, должна идти не только о головах, но и о разрушенных сельском хозяйстве и промышленности. Преодолевать эти виды разрухи новая власть взялась практически с того самого момента, как только была признана и утвердилась в сознании большинства народа. Выше говорилось о переходе с пара на электричество. Так вот, в конце 1920 года на съезде Советов был принят и начал осуществляться план ГОЭЛРО, план электрификации России. Его удалось в основном выполнить к 1931 году², то есть была осуществлена коренная реконструкция народного хозяйства. Он лег в основу программы индустриализации, а с ней — машиностроения и оснащения армии и флота новыми видами вооружений. Забудем неудачи времен нэпа и малую эффективность колхозов. Тогда можно будет зафиксировать, что творческие возможности человек сумел сохранить и после перемены социального строя и власти.

Следующий вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, — это заявленная (и осуществленная) новой властью программа ликвидации безграмотности, а за ней и организация среднего и высшего образования во всех республиках Страны Советов. Сейчас хочу сказать несколько слов о вопросах образования, науки и культуры. Напомню себе и читателю, что мне надлежит отследить место и роль, испытания и обретения человека в движении последнего столетия. Выражаю надежду, что смогу в его сердце найти человека свободного и творческого. Или, во всяком случае, стремящегося к свободе и творчеству, к свободе творчества. Начну с вопросов науки. Не хочу сказать, что ликвидация безграмотности и повышение уровня образования напрямую способствовали росту влияния науки на динамику развития страны, но росту авторитета науки они точно содействовали. И если бы власть не внедряла в сознание людей научную идеологию, научный атеизм, научный коммунизм, которые часто оправдывали политику гонений на церковь и православие, на культуру, то содействовала бы еще больше.

В последнем столетии наука во многом, порой радикально, изменила наши представления о мире и нас самих. Изменения коснулись мега-, макро- и микромира. Сегодня космология и теоретическая физика утверждают, что помимо нашей Вселенной существуют и другие (идея Мультиверсума), среди которых возможна, как говорят, Вселенная с отрицательным (для меня) направлением времени. В ней следствия мы будем наблюдать как существующие раньше причин, а для жителя того мира моя статья сначала появится, и только потом я примусь за ее написание. Все эти чудеса являются выводами из гипотезы о существовании движения со сверхсветовыми скоростями. В середине 1970-х годов она активно обсуждалась, скажем, физиками из Дубны (В. С. Барашенков). Обсуждалась

² См. (Овсянников, 1996). Здесь и в дальнейшем, если речь заходит о сроках и датах, отсылаю читателя к этой работе. В ней содержится и то, что относится к истории России последнего столетия.

и на страницах журнала «Вопросы философии»³. Возвращаясь к привычной нам Вселенной, отмечу, что в микромире, кроме чудес квантовой механики, ученые предполагают наличие неких «струн», или «суперструн» — загадочных колебаний на «расстояниях» меньше квантовых, порождающих элементарные частицы. Словом творческого вдохновения человек познания тогда отнюдь не утратил.

Что касается макромира, то здесь, разумеется, надлежит отметить заслуги биологии. Появилась даже биоэтика и посвященные ей философские труды⁴. Но главный успех биологии — это, конечно, открытие и изучение ранее неизвестных механизмов, формирующих человека и его наследственность, то есть открытие генетики. Вспомним также об успехах в области медицины, о продлении и улучшении качества жизни. Еще будем помнить фундаментальные открытия в области деятельности мозга и работу в сфере невропатологии, физиологии, психологии, рефлексологии и других, начатую В. М. Бехтеревым и продолженную его последователями.

Продолжая тему науки и макромира, отмечу, что столетие, кроме сознания, добавило к причинам поведения человека подсознание и коллективное бессознательное, и это сделало наши представления о самих себе более глубокими.

Всю тему науки я, конечно, не исчерпал. В частности, ничего не говорил о многочисленных проблемах, связанных с необходимостью сочетать фундаментальные и прикладные исследования или соединять науку академическую, университеты, институты и прочее (в свое время все это обсуждалось, о чем можно прочесть в книге нобелевского лауреата, физика Ж. И. Алферова⁵). Оправданием может послужить желание отыскать в идейной глубине столетия не организационные проблемы или имевшие место формализм и верхоглядство в области образования, а наиболее свободное, творческое и моральное. Это я и пытался проделать.

Из науки вырастают не только способы рационального познания и освоения законов природы, но и понимание богатств внутреннего мира человека. Поэтому остановимся на вопросах культуры. Человек, его стремление отыскать истины бытия, его внутренний мир и наука последнего столетия находят источник в культуре и питаются ее животворящими плодами. Она многогранна и многоаспектна. Культура сельского хозяйства, культура общения, культура речи, культура мысли... Все эти и неназванные культуры надо объединить в одном понятии, связав значениями и смыслами. Собственно говоря, в самом общем задании и предназначении культура есть упорядоченная система смыслов, благо-

³ См. № 7 за 1976 год.

⁴ Этот вопрос в свое время активно обсуждался. Сегодня могу отослать читателя, например, ко вполне основательной работе (Тищенко, 2011).

⁵ См. (Алферов, 2013) и другие работы этого автора на тему науки и власти.

даря которой человек ориентируется во внутренних и внешних мирах и создает не существовавшее прежде. Помнится, Макс Вебер говорил, что человек — это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов. Паутину творят различные виды искусств, религий и наук. Все же интеллектуальное и духовное в культуре можно отследить достаточно четко (Келле, 2011). Что в этой паутине соткано больше усилиями интеллекта, а что явилось как имманентное духу — в этом разобраться несложно.

Автора статьи сама проблема заинтересовала в связи с желанием проследить и понять провалы, но, главное, победы человека интересующего его столетия. Так вот, интеллект и дух, хотя они составляющие одной культуры и существуют в рамках одного целого, могут различным образом влиять на суть дела в зависимости от времени происходящего. Последнее столетие в России чаще отдает предпочтение интеллекту, а не духу. Во всяком случае, это относится к СССР. К государству, которому, как говорят, есть за что просить прощения у Бога (Лейбов, Лекманов, Ступакова, 2020). И у народа. Конечно, есть, если вспомнить разграбления церковей, гонения на религию, на православие... Однако подобные гонения и грабежи — это, конечно, не демонстрация превосходства интеллекта над духом, а скорее следствие влияния темных стихий насилия и обладания, где правят не умы и головы, а инстинкты. Интеллект, впрочем, может при определенных условиях служить инстинктам, насилию и обладанию. Это представляется очевидным, но как поставить интеллект под контроль морали? Как это проделать, предстоит разбираться, возможно, всему совокупному человечеству. Моя же задача значительно скромнее. Чтобы наш разговор стал более продуктивным, хочу внести определенную ясность и уточнить смысл понятий, которые мы используем.

Человек... В самом начале этих заметок автор спрашивал себя и пытался ответить на вопрос — кто такой человек. Теперь хотелось бы продолжить вопрошания и ответы и добавить к содержанию этого понятия одну существенную составляющую. Когда мы говорим и слышим, пишем или читаем слово «человек», оно представляется нам вполне понятным и не нуждающимся в дальнейших разъяснениях. Мы знаем, что человек — это «двуногое без перьев», обладающее сознанием. И хотя «сознание» покрыто туманом неизвестного, понятие «человек» сияет интуитивной ясностью. «Человек» — это «я» и все на меня похожие. И пусть сияет, пока речь не заходит о движении познания по смыслам процессов и событий, по глубинам и коридорам истории. Тогда время предстает историей, а человек прорастает в ней в качестве личности. То есть человеком с определенными стремлениями, целями, ценностями и идеалами. Именно с творческими и моральными возможностями личности нам надлежит связывать надежды поставить под контроль инстинкты и страсть к обладанию, если именно о них сейчас зашла речь.

Автор внимает этому требованию и обращается к возможностям истории и личности. Мне следует понять, в чем заключаются существо, сегодняшние цели и предназначение личности в перспективе времени. Личность является и порождением, и творцом истории. Но не единственным. Поговорим о личности, ее роли и ее месте в последнем столетии. Надо, чтобы столетие предстало не просто отрезком времени и рядом событий, периодом борьбы не просто за интересы и потребление, за власть, но и за утверждение идеалов, идей и идеологий. Не обязательно идеологий политических. Словом, автор желает, чтобы столетие предстало в его глазах и в глазах читателя историей, а человек в ней — личностью. Отвечая на поставленный в самом начале статьи вопрос, скажу, что более совершенным и моральным он не стал, но не стал и аморальным. Таковым я вижу человека столетия, невзирая на его известные тени и провалы, вроде всесилия чиновника и воровства государственной собственности. В чем-то он уступает предшественнику, но не в творческой инициативе и не в стремлении к свободе. Теперь я хочу, чтобы ответ стал более аргументированным, а для углубления и раскрытия заданной темы думаю поговорить о человеке, о физике и метафизике мира. О нашем космическом происхождении, о прошлом и конструктивной роли памяти. Словом, о человеке и времени.

И история, и личность не являются полностью открытыми для взоров наблюдателя. В них всегда есть нечто скрытое, тайна. А тайна является тем, что более всего привлекает внимание сознания и познания. История не просто течение во времени, не просто поток событий. Она творит смыслы и символы, в которых сквозь бег мгновений проступает нечто выходящее за пределы фиксированного времени, а может быть, светится и сама Вечность, то есть главная Тайна. Это уже вопрос не только знания, но и веры. Мое столетие, конечно, соприкасалось с некими тайнами. С тайной творческой личности, во всяком случае. Лауреатов Нобелевской премии по физике я уже называл. Сейчас можно вспомнить о нобелевских лауреатах по литературе. Это «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака (1958) и «Тихий Дон» М. А. Шолохова (1965). И то и другое не просто случаи во времени; они являли собой значительные исторические события. И в том и в другом присутствует момент тайны творческого гения. В силу особенностей моей личности поэт Пастернак нравится мне больше писателя, и позвольте назвать еще одного поэта столетия, который с ним контактировал, — это В. В. Маяковский. К названным писателям столетие добавляет А. И. Солженицына, А. А. Зиновьева и ряд других, по-иному политически ориентированных. Например, если вспоминать Войну и Победу, то вспомним и произведения, вышедшие из-под пера К. М. Симонова (его поэзию и роман «Живые и мертвые») или Ю. В. Бондарева и его «Батальоны просят огня», а также «Горячий снег».

Все достижения ушедшего столетия, такие как успехи в освоении космоса (и славные имена С. П. Королева и В. Н. Челомея) и, конечно, полет Ю. А. Гага-

рина, должны храниться в нашей памяти, в нашем «настоящем прошлого». Двигаясь в направлении признанных научно-технических успехов, можно славить автомат Калашникова, оружие и многое другое. В дополнение к уже сказанному о науке и культуре хочу назвать классику и модернизм, а также «искусство на все времена» — русский балет, многие постановки которого стали мировым достоянием. Могу назвать еще многое, но лучше отослать читателя к специальной работе (Бордюгов и др., 2004).

История — это историческое понятие, и в разные времена оно может иметь различные значения. Их перемена представлена, например, в обстоятельном исследовании И. М. Савельевой и А. В. Полетаева (Савельева, Полетаев, 2008). История в понимании «отца истории», как называл Геродота Цицерон, и в понимании Августина Блаженного — это два разных феномена, и у них разное отношение к предмету изучения. Скажем, к Греко-персидским войнам. Все это очень интересно. Однако для меня сейчас важно, что история — это не только специфическое движение человека во времени, но также и фиксированная в сознании, в понятиях и текстах наша коллективная память. Больше или меньшей ясности. Статья подходит к ответам на поставленные в начале вопросы. Как и предполагал и обещал в начале статьи, я возвращаюсь к проблемам памяти.

***

Прежде чем доложить о главном, позвольте напомнить следующее. В истории последнего столетия мы наблюдали радикальные изменения в отношении политической власти к тому, что раньше было предписано хранить нашей памяти неизменным. Иногда я приветствую перемены, иногда осуждаю. Например, некогда Великую революцию октября 1917 года сначала сильно проблематизировала перестройка М. С. Горбачева, а затем и вовсе записала в категорию социальных провалов демократия Б. Н. Ельцина. Или, скажем, другая, положительная динамика перемен. Граф С. С. Уваров из реакционера превратился в сторонника просвещения и автора знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность». Формулу и по сей день можно считать конструктивной, особенно если под «самодержавием» понимать не правление царей из дома Романовых, а стремление России к финансовой и политической независимости. К державному самостоянию. То есть к самодержавию, которое едва не отменили названные перестройка, затем и демократия.

Любая власть в России стремилась перестроить прошлое себе на пользу, для чего пыталась осуществить реконструкцию народной памяти. Сегодняшняя не является исключением. Вряд ли она откажется от возможности представить народную память или историю страны в качестве способствующей ее появлению. Политическая память России носит творческий характер, поэтому Россия — это

страна непредсказуемого прошлого. Думаю, эту традицию не отменят никакие «поправки в Конституции». Они, конечно, нужны, но не стоит думать, что таким образом можно решить вопрос защиты собственного прошлого от влияния политической власти. Автор этих строк пережил уже не одно прошлое и несколько конституций. Поэтому критически отношусь даже к собственной памяти. Сейчас я намерен обратиться к проблеме памяти, раздвинув ее горизонты далеко за пределы одного персонажа.

Я понимаю память не только так, как ее толкует нейробиология и другие нейронауки (моторная, эпизодическая, смысловая). Для меня это феномен космического масштаба и системообразующий фактор. Она объединяет и хранит в себе образы мира и времени. Своеобразная память присутствует везде, где действуют законы движения и эволюции, поскольку природа одинаково (память!) реагирует на появление во времени определенных условий для реализации законов. Однако «настоящее прошлого» или память Вселенной надо отсчитывать едва ли не с момента ее зарождения из точки сингулярности. Едва ли не с момента Большого взрыва, точнее, с появления мировых констант. Физики называют три фундаментальные константы: скорость света в пустоте, постоянная Планка и гравитационная постоянная. Утверждается, что все они имеют те же значения, что и при рождении Вселенной. Обсуждать это мы, конечно, не станем, чтобы не выйти за рамки сегодняшней темы. Мне, сославшись на физиков, важно подчеркнуть конструктивную роль памяти во все долгие времена существования нашей Вселенной.

Мировые константы — это память о нашем происхождении. Антропный принцип утверждает: мы мыслим и существуем потому, что Вселенная устроена именно так, а не иначе, что существуют именно такие, а не иные значения мировых констант. Человек не может появиться и существовать в другой Вселенной. Так же можно думать, глядя с высоты (из глубины) философии, (метафизики) истории. Полагаю, что мировая память, мировые константы играют существенную роль в моем появлении, в направленной эволюции, в появлении «я» в мире веществ и энергий. Кажется, что вопрос о «настоящем прошлого» некоторым образом проясняется. Память о прошлом может подвигнуть человека на героические деяния. Больше, чем воображаемое будущее. Но нам нужна полнота времен. Прошлое, настоящее, будущее. О прошлом сказано многое. Настоящее, или то, что мы наблюдаем в «созерцании» (Августин), — перед взором каждого, и останавливаться на этом я не буду. Впереди разговор о «настоящем будущего».

Человек часто думает о своем будущем, будущем другого и будущем мира. В моем сознании, в моей душе хранятся воспоминания и представления о будущем. Оно участвует в мотивации моего поведения. Можно помнить о мечтах об идеальном общественном устройстве, когда человек творит по способностям,

а получает по потребностям. Могу помнить о коммунизме, создавать моральный кодекс строителя коммунизма и политические партии. Или могу хранить в памяти такой образ будущего, какое рисует Откровение Иоанна Богослова, — Апокалипсис — как следствие гнева Бога на человека. Тогда, если поверю преданию, надо готовить собственное спасение, обращаясь к добру, молитве, религии. Словом, надо хранить и беречь то, что есть в памяти бывшего о будущем. Беречь из уважения к предкам, а еще потому, что они таким способом участвуют в создании художественного образа будущего. Воображение и образ. Надо привлекать к изучению проблемы человека и времени не только науку, несмотря на отмеченное уважение к этому способу познания, но и нечто от нее отличное, к науке не сводимое.

Сомневаюсь, что когда-нибудь можно будет создать строго научную, эмпирически проверяемую, исчерпывающую теорию по поводу отношения человека и времени. Чтобы учесть все факторы, подлежащие объяснению, теория должна быть крайне абстрактной. Человек, его внутренний мир и время как условия, в которых он существует, сильно меняются. Но можно для понимания проблемы использовать, например, метафизику времени, где оно является также и личностной категорией — чем-то внутренним, субъективным. Оно существует иначе, чем время физики. Для этого времени не кажется нелепой память о будущем. Потому что когда я говорю о человеке, его сознании и времени, речь в значительной степени идет о художественном образе и субъективной реальности. Словом, к познанию человека надо привлекать его художественный образ, каким он создается в архитектуре, музыке, живописи, кино и театре, но главным образом, полагаю, в литературе. Так глубоко высветить и изучить проблему человека и его времени, как ее представили, к примеру, Ф. М. Достоевский или Л. Н. Толстой, вряд ли способно какое-либо другое искусство.

Существуют классика, модернизм и постмодерн, но везде можно наблюдать стремление человека к гармонии, иногда понимаемой весьма своеобразно. Гармонию ищет и наука. Почему бы и здесь не поискать модерн и постмодерн? Так, в физике существовали теории тяготения, но появилась квантовая механика — это модерн. Постмодерн — это колебания, движение внутри того (квант), что считалось предельно малым. Продолжать о науке не буду; и хотя образное мышление может присутствовать в научных поисках, создание художественных образов целью ее не является.

Выше назывались примеры значительных художественных образов, но ничего не говорилось о свойствах этого феномена в целом. Дело в том, что художественный образ понимает время не только как одну из координат бытия Мира; ему не запрещается включать Это человека и внутренний мир, его личностное время. Последнее живет по своим законам — оно ускоряется в периоды благополучия и

радости и замедляется, когда у нас огорчения и болезни. Это, «я» — это процесс. Он может опираться на трансперсональные моменты сознания и надличностную память, о чем говорилось выше.

***

Подведем некоторый итог сказанному. Пытаясь понять проблемы последнего столетия, автор, видимо, должен был бы больше внимания уделить его политическим и экономическим движениям, а также весьма радикальным переменам. Мы знаем, что столетие началось с решительного отрицания частной собственности как основы эксплуатации, а завершилось гимнами частному предпринимателю и рынку как спасителям народного хозяйства, демократии и Отечества от большевизма-коммунизма и диктатуры Госплана. Государство (чиновник), власть и политика двигались именно в этом направлении. Ничему этому я особого внимания не уделил, но оправдываюсь тем, что хотел обозначить в летописи столетия и его идей наиболее яркие страницы, а они, на мой взгляд, больше связаны с наукой и культурой. Наука и культура существуют, конечно, не в социальном вакууме, где нет политики и экономики, но они способны на самофинансирование и независимое творчество.

Теперь о вопросе, сформулированном в начале статьи: стал ли человек за последнее столетие более моральным и совершенным? Думаю, что ответ на него пока еще вполне не прояснен и его следует считать открытым. Войны, тем более мировые, вряд ли следует считать благодатной почвой для процветания гуманизма. Можно наблюдать определенное движение истории в эту сторону (см.: Гинзбург, 2008), но, с другой стороны, столетие, человек и его время продолжали пляски жизни и смерти на лезвии бритвы войны и мира. Говорят, что уже придумали климатическое оружие. Кроме того, чрезмерно размножаясь, человек провоцирует перенаселение планеты, наступая на законы своей биологической природы, о чем не устают повторять со времен Т. Мальтуса (1766–1838). Словом, подводить итоги рано. Тем более что человек движения своего не окончил. В своих лучших проявлениях он сохранил способность любить ближнего, желание знать истину и стремление к свободе. А главное — он сохранил способность к творчеству. Желая ему (и себе), невзирая на колдобины и даже возможные провалы в пути, стараться смотреть и идти в будущее. Идти в «настоящее будущего», помня о «настоящем прошлого», о собственной душе и духовности.

Литература

- Августин, 2005 — *Августин Аврелий*. Исповедь. М.: Даръ, 2005. 546 с.
- Алферов, 2013 — *Алферов Ж.* Власть без мозгов. Кому мешают академики. М.: Алгоритм, 2013. 316 с.
- Бордюгов и др., 2004 — *Бордюгов Г. и др.* Россия: удачи минувшего века. М.: АИРО-XX, 2004. 304 с.
- Боффа, 1990 — *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2: От Отечественной войны к положению второй мировой державы. Сталин и Хрущев, 1941–1964. М.: Международные отношения, 1990. 631 с.
- Гинзбург, 2008 — *Гинзбург В. Л.* Об атеизме, религии и светском гуманизме. М.: Российское гуманистическое об-во, 2008. 158 с.
- Келле, 2011 — *Келле В. Ж.* Интеллектуальное и духовное начала в культуре. М.: ИФ РАН, 2011. 223 с.
- Лейбов, Лекманов, Ступакова, 2020 — *Лейбов Р. Г., Лекманов О. А., Ступакова Р. Ю.* «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения. М.: ОГИ, 2020. 448 с.
- Овсянников, 1996 — *Овсянников А.* История двух тысячелетий в датах. Тула: Автограф, 1996. 635 с.
- Савельева, Полетаев, 2008 — *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания. СПб.: Алетейя; М.: ВШЭ. 522с.
- Тищенко, 2011 — *Тищенко П. Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Миръ, 2011. 327 с.

MAN IN TIME: RUSSIA — THE LAST CENTURY

Alexander E. Razumov

Senior research fellow.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: stas_ecl@mail.ru

Abstract. The last century is filled with victories and failures, passions and interests. World wars and revolutions, the change of political regimes, ideologies and ideological orientations — all this provoked a formation of social and political chaos, which sometimes had to be overcome in a totalitarian way through sole commanding and by one-party dictatorship. At the same time, one can observe the successes of cognition, culture, scientific and technological development, which, however, can hardly be called “progress”. Because the mass destruction weapons of certain “partners” in globalism have also been increased. Ready for self-destruction, “man in time” did not become yet the master of his destiny in the last century, but in many ways remained a mystery to himself. Despite the fact that over the past century man has learned a lot about his own psychology, consciousness and subconscious, he still needs further self-knowledge no less than in those times when the Oracle of Delphi called for it. Today, as ancient times, one needs to know better what motivates his sometimes rational, and sometimes, mildly speaking, very strange behavior. Who is man in time? To understand this, one must go beyond the limits of itself being to other times and spaces. Even to times and spaces of a cosmic scale, to the spaces and to the depths of our Universe, where a man was born and will disappear, perhaps preserved in its cosmic memory. The memory of the Universe is symbolized by world constants that arose as a result of the Big Bang and the birth of the Universe from a singularity point. Memory of man inherits this property of the Cosmos. The memory is a system-forming factor that creates man and its world. This is what rigorous science can offer to explain the cosmic origin of man and his memory. Artistic imagery can continue the efforts of science. Culture, literature, first of all, can create imageries that will tell about man and his time more than abstract theory. The imageries will tell that man has not yet lost his freedom of creativity. He must remember the past, live in the present, look and go to the future.

Keywords: man, being, time, century, memory, imagery, history

For citation: Razumov, A. E., 2020. Man in Time: Russia — the Last Century. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 203–218.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-203-218

References

- Alferov, Zh., 2013. *Vlast' bez mozgov. Komu meshayut akademiki* [Authority without brains. To whom do academics interfere]. Moscow: Algorithm.
- Augustine, A., 2005. *Confession*. Moscow: Dar.
- Boffa, Dzh., 1990. *Istoriya Sovetskogo Soyuza. Tom 2: Ot Otechestvennoy voyny k polozheniyu vtoroy mirovoy derzhavy. Stalin i Khrushchev, 1941–1964* [History of the Soviet Union. Vol. 2: From the Second World War to the Position of the Second Great Power. Stalin and Khrushchev, 1941–1964]. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya.
- Bordyugov, G. et al., 2004. *Rossiya: udachi minuvshogo veka* [Russia: successes of the past century]. Moscow: AIRO-XX.
- Ginzburg, V. L., 2008. *Ob ateizme, religii i svetskom gumanizme* [On Atheism, Religion, and Secular Humanism]. Moscow: Rossijskoe gumanisticheskoe ob-vo.
- Kelle, V. Zh., 2011. *Intellektual'noye i dukhovnoye nachala v kul'ture* [Intellectual and spiritual principles in culture]. Moscow: IFRAN.
- Leybov, R. G., Lekmanov, O. A. and Stupakova R. Yu., 2020. "Gospod'! Prosti Sovetskomu Soyuzu!": *Poema Timura Kibirova "Skvoz' proshchal'nye slezy": Opyt chteniya*. ["The Lord! Forgive to the Soviet Union!": Timur Kibirov's poem "Through farewell tears": reading experience]. Moscow: OGI.
- Ovsyannikov, A., 1996. *Istoriya dvukh tysyacheletiy v datakh* [The history of two millennia in dates]. Tula: Autograph.
- Savelieva, I. M. and Poletaev A. V., 2008. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of historical knowledge]. St. Petersburg: Aletejya; Moscow: HSE.
- Tishchenko, P. D., 2011. *Na granyakh zhizni i smerti: filosofskiye issledovaniya osnovaniy bioetiki* [On the verges of life and death: philosophical studies of the foundations of bioethics]. St. Petersburg: Mir.